

Шнейдер Лидия Бернгардовна

д-р психол. наук, профессор
ФГБОУ ВО «Московский педагогический
государственный университет»

г. Москва

ГЕНЕРАТИВНАЯ ПОТРЕБНОСТЬ В СИСТЕМЕ ДРУГИХ ПОТРЕБНОСТЕЙ ЧЕЛОВЕКА

Аннотация: дети являются базовым условием семейного счастья, однако есть и другие не менее значимые потребности, которые могут оказывать влияние на проявление и удовлетворение генеративной потребности. Целью статьи является рассмотрение и обсуждение генеративной потребности человека, а предметом – мотивы репродуктивного поведения, ценностные ориентации в отношении деторождения. В изучении и анализе генеративной потребности необходимо охватывать многие свойства личности, включая стабильность и взаимодействие в семейных отношениях, психологическую готовность к исполнению роли родителя и сформированность мотивов иметь ребенка. Инфертильность в современных условиях можно рассматривать как аналог социальной инфантильности, т.к. налицо новая модель личности (т.н. «кидалты»), не обеспеченная соответствующей моделью чадородия.

Ключевые слова: потребности, мотивы, ценности, генерация, дети, родители.

Россия, занимая почти 13% мировой суши постепенно теряет свое место в перечне самых населенных государств в мире. Одной из причин такой ситуации является низкая рождаемость. Дело не в нарушении репродуктивного здоровья населения, хотя это тоже играет некоторую роль, причина кроется в том, что в обществе утвердилась ориентация на малодетную семью.

Проблема низкой рождаемости сейчас обсуждается повсеместно, предпринимаются попытки разработать определенные меры для изменения демографической ситуации. В основном они направлены на повышение

экономического статуса родителей. Но мировой опыт показывает, что политика материальной стимуляции рождаемости оказывается демографически не состоятельной. По словам А. Антонова, экономическая помощь может облегчить людям реализацию их потребности в детях, но бессильна увеличить эту потребность [1].

Научная проблема заключается в том, что психологических исследований репродуктивного поведения крайне мало. Практически все имеющиеся исследования направлены на изучение насущных проблем брачно-семейных отношений (Векилова С.А[4], Дружинин В.Н [5], Шнейдер Л.Б[12; 13] и др., исследование материнства, поведения и состояния женщины в период беременности, и т. п. (Филиппова Г.Г. [10] и др.) Однако мотивы и ценностные ориентации мужчины также играют роль, хотя исследования такого рода встречаются намного реже. Генеративная потребность и её инфертильные блокираторы изучены недостаточно.

Репродуктивная потребностно-мотивационная сфера человека

Поведение человека обусловлено потребностно-мотивационной сферой. В психологии выделен ряд особенностей (иерархичность, детерминированность, целенаправленность, динамичность и пр.) и функций (побудительной и направляющей) мотивов в регуляции поведения субъекта. Источником побудительной силы мотива и соответствующего побуждения к деятельности выступают ситуативные потребности. Мотив, по А.Н. Леонтьеву [6], определяется как предмет, отвечающий потребности, а потому побуждающий и направляющий деятельность. Однако между мотивом и потребностью, между потребностью и деятельностью, между мотивом и деятельностью нет отношений строгой однозначности. Нередко деятельность имеет сразу несколько мотивов. В ситуации полимотивированной деятельности один из мотивов становится основным, ведущим, а другие – подчиненными, играющими роль дополнительной стимуляции. Весь мотивокомплекс, как правило, не осознается, но непосредственно проявляется в форме общего

эмоционального настроения субъекта в условиях конкретной социально-культурной среды.

В отношении конкретных потребностно-мотивационных сфер в каждой культуре есть своя модель, какой эта сфера должна быть. Наиболее сложные модели и способы их «производства» у конкретной личности существуют для тех сфер, которые связаны со взаимоотношениями между людьми и обеспечением основных целей общества. Одной из них, конечно, является репродуктивная сфера [10]. Она связана как с продолжением рода, так и с культурными особенностями и общественными ценностями, включает в себя родительскую и половую составляющие и содержит три блока: потребностно-эмоциональный, операциональный и ценностно-смысловой. Речь идет не только о функции продолжения рода, но и об удовлетворении потребностей личностного уровня (например, потребность продолжить себя, реализовать свои несбывшиеся ожидания и планы, соответствовать культурной или индивидуальной модели личности и т. п.). Последнее возможно только при осознании субъектом связи половой и родительской сфер и их роли в продолжении рода [10].

Потребности, лежащие в основе родительской сферы представлены целым набором иерархически организованных потребностей, назначением которых является обеспечение индивидом родительских функций по отношению к потомству. Поскольку для появления потомства нужны как минимум женская и мужская особь, а для успешного выращивания и воспитания часто и гораздо больше, то речь должна идти о родительской сфере в целом [5; 12; 13]

Какие же потребности входят в родительскую потребностно-мотивационную сферу? Фундируется ли она только потребностью в детях?

Мотивами репродуктивного поведения движет множество потребностей. Одной из основных является потребность в детях. Существует большое количество работ, посвященных изучению данной потребности. В основном они ведутся в социологическом направлении (Антонов А.И., Медков В.М. [2], Мацковский М.С. [7; 8], Бойко В.В. [3] и др.).

Потребность в детях как экзистенциальная потребность

Потребность в детях в социологии рассматривается как одна из потребностей личности, как устойчивое ее состояние, необходимое условие существования. Антонов А.И. считает, что потребность в детях является социально-психологическим свойством индивида, без наличия детей и подходящего числа их индивид испытывает затруднения как личность [1].

Бойко В.В. считает, что потребность в семье и детях как глубинная основа всех мотивов семейного поведения относится к высшему уровню социальных потребностей человека наряду с потребностями в смысле жизни и творчестве, ибо созидание новой человеческой личности для родителей оказывается подлинным творческим актом сугубо экзистенциального толка [3].

Потребность в детях включает в себя нечто сугубо индивидуальное – степень любви к детям, ощущение их необходимости в личной жизни, стремление проявить к ним внимание и заботу. Она, как и любая потребность, в какой-то мере детерминирована природными, жизненными силами человека – задатками индивида, врожденными свойствами и способностями к различного рода активности, превращающимися в устойчивые мотивы его деятельности, в том числе и репродуктивной деятельности. Но на неё также оказывает свое влияние микросреда, ближайшее окружение, усвоенные человеком образцы поведения и подготовленности к семейным ролям. Потребность в детях в этом смысле – индивидуальное сочетание различных установок по отношению к детям вообще, обусловленных историей развития личности.

Таким образом: «потребность в детях – это устойчивое социально-психологическое образование в личности, обусловленное, во-первых, устремлением иметь типичное для данного общества число детей в семье и дать им не хуже типичного по качеству воспитание; во-вторых, чадолюбием (т. е. глубоко усвоенными установками по отношению к детям вообще), проявляющимся в том, что без детей или определенного числа их человек испытывает затруднения в самореализации себя как личности» [3, с. 24]. По мнению Бойко В.В., по-

требность в детях имеет два мотива: «чадолюбие» (субъективный) и стремление вписаться в стандарт общества (объективный) [3].

Потребность в детях связана со многими потребностями личности, следовательно, и функции детей в жизнедеятельности семьи и индивида многозначны. Перечислим основные:

– «посредством ребенка супруги, т.е. «родственники по выбору», муж и жена, становятся биологическими родственниками – отцом и матерью;

– ребенок дает родителям возможность открыто проявлять чувство любви и эмоционального самовыражения;

– ребенок заставляет родителей повышать свой культурно-образовательный уровень..

– ребенок выступает неким этическим регулятором, он заставляет взрослых сдерживать свои негативные эмоции, контролировать свою речь, следить за манерами и поведением;

– ребенок непроизвольным образом *позволяет* взрослым вернуться в их собственное детство, как бы вторично его пережить.

– ребенок в семье обеспечивает партнерство и функциональную взаимосвязь, и, наконец, ребенок представляет потенциальную опору и поддержку в старости» [12, с. 164].

В целом дети придают прочность, радостность, полноценность семье, способствуют самореализации родителей в качестве воспитателей, дополняют событийный фон семейной жизни, актуализируют и активизируют хозяйственно-бытовую функцию семьи и пр.

Исследования показали [1; 2; 3; 8], что с возрастом респондентов, заметно меняются их суждения о числе детей. Индексный показатель «функциональной ценности детей» сравнительно высок в 21–24 года, затем к возрасту 25–29 лет он снижается и вновь возрастает у лиц в возрасте от 40 до 44 лет, а также в самых старших детородных возрастах (45–49 лет).

Обращает на себя внимание отчетливая тенденция: по мере усиления социально-психологического содержания детского функционирования увеличивает-

ся число детей, необходимых семье для того, чтобы эти функции осуществлялись и проявлялись в сакральном плане. Напротив, если функция детей сопряжена в какой-то степени с экономическими и бытовыми сторонами жизни, то ее численный показатель снижается и переходит в разряд профанный.

Часто потребность в ребенке сталкивается с другими значимыми для человека потребностями. Их набор разнообразен. Эмпирическим путем (2021г.) был получен (в порядке убывания значимости) следующий ряд: взаимопонимание супругов, отдельная квартира, материальное благополучие, дети (40%), интересная работа (30%), уверенность в прочности брака (17%), условия притязательного характера – друзья, самостоятельность, образование, положение на работе, досуг в семье (13%). Таким образом, можно сказать, что дети являются базовым условием семейного счастья, однако есть и другие не менее значимые потребности, которые могут оказывать влияние на проявление и удовлетворение потребности в детях.

В зависимости от возраста мужчин значительно меняется оценка детей как условий счастливой семейной жизни. До 20 лет потребность в детях значительно меньше. С возрастом она повышается. В 30–44 года мужчины чаще склонны отмечать это условие, однако к 44–49 годам роль детей вновь несколько уменьшается. Что касается женщин, то их ориентация более стабильна по сравнению с мужчинами. Уже в молодом возрасте у женщин складываются определенные взгляды на семью, которые остаются в основном неизменными.

Антонов А.И. [1] считает, что изучать репродуктивные мотивы поведения, как и любые мотивы, следует у тех, кто реализовал свои решения. Поэтому особое внимание уделяется выяснению репродуктивных мотивов среди людей с разным числом детей. Но такой подход определяет лишь одну сторону репродуктивного поведения. Знания о репродуктивных мотивах будут неполными, если в качестве респондентов брать только тех, кто реализовал свою потребность в детях. Включение в базу исследований людей, не имеющих детей, дает возможность посмотреть, что им мешает реализовать такую потребность, какой мотив для них является конкурирующим репродуктивному.

Репродуктивные мотивы, по Антонову А.И., представляют собой психические состояния личности, побуждающие к достижению разного рода личных целей (экономических, социальных и психологических) через рождение определенного числа детей.

Наибольший потенциал детности имеют экономические мотивы, которые в принципе способны поднять число детей в семье до 1,75. Сила социального мотива оказалась слабее, побуждает в среднем к рождению 1,47 ребенка. На последнем месте психологические мотивы (1,43). Таким образом, по силе побуждений к установкам детности наблюдается противоположная картина по сравнению со структурой фактических мотивов рождения, где в качестве ведущей обнаруживается личная заинтересованность в рождении детей, затем указывается значимость социальных и моральных выгод от рождения детей, экономические мотивы замыкают перечень побуждающих намерений фактической детности.

Конкретно-культурный «путь к модели» родительства и его перипетии

В каждой культуре есть целый институт родительства, который в качестве составной части включает в себя способы воспитания детей как будущих родителей. Эти способы рассчитаны на то, что часть содержаний своих функций любой родитель будет осознавать, а часть – нет. Соответственно, в общественном сознании также не все функции родительского блока полностью осознаются, часть из них представлена в форме поверий, примет, суеверий и т. д. Все это вместе может быть охарактеризовано как конкретно-культурный «путь к модели» родительства, которое само по себе есть инструмент, созданный природой и обществом для «производства» ребенка как представителя своего вида и своей культуры [10; 12].

В обществе постоянно происходят изменения модели детско-родительских отношений, соответствующих изменению в самих общественных отношениях. Изменяется и отношение индивида к своей роли родителя. В современных условиях эти изменения настолько стремительны, что имеющийся «путь к модели» родительства, не успевает измениться соответствующим образом.

В наши дни родительство занимает менее, чем раньше, значительное место в иерархии ценностей человека. Заметное возрастание стремления к высокому профессиональному статусу и карьере, повышенная тяга к благосостоянию и высокому уровню потребления препятствуют родительству. Налицо новая модель личности, не обеспеченная соответствующей моделью родительства. Усугубляет положение разрыв межпоколенных связей, утрата традиционных способов передачи опыта и оформления родительско-детского взаимодействия [9; 10; 12; 13].

Все это заставляет предположить, что материнство не является полностью обеспеченным врожденными механизмами. Поэтому, даже если потребность быть матерью и заложена в женской природе, общественные нормы и ценности оказывают определяющее влияние на проявления материнского отношения. Стремление к материнству, по-видимому, нельзя сводить ни к биологическому влечению, ни к следованию социо-культурным нормам [10; 11]. Материнство, по словам Т. Флоренской, – предназначение женщины, и поэтому можно говорить о существовании духовной потребности, которая является главным источником стремления женщины стать матерью [11].

Для конкретной реализации генеративной потребности нужно, чтобы двое людей (мужчина и женщина), каждый из которых обладает личностными и половыми особенностями, объединились в любящую и тесно связанную пару, готовую заботиться о ребенке, принять на себя обязанности по его воспитанию. Но как часто супруги хотят иметь детей по другим причинам? Существуют женщины в подавленном состоянии, которые хотят иметь ребенка, чтобы заполнить внутреннюю пустоту, вновь почувствовать полноту жизни; также есть женщины, которые надеются, что беременность будет удерживать мужа в семье. Существуют мужчины, которые «делают» свою жену беременной, чтобы доказать свою мужественность в глазах окружающих, и женщины, которые хотят забеременеть, чтобы убедить себя и других в своей женственности. Также есть индивидуумы, которых беременность связывает обязательствами,

например, по отношению к своим родителям, которые хотят стать дедушками и бабушками или поддерживают некоторые семейные традиции.

Выводы

Таким образом, проблема генеративной потребности и мотивов деторождения остается дискуссионной и трудно изучаемой экспериментально. Её решение во многом зависит от вида стимулов, под влиянием которых начинает разворачиваться процесс формирования намерения как конечного этапа мотивации. Стимулами могут быть внешние раздражители, внутренние, а также различные социальные факторы. Могут влиять на характер генеративной потребности и способы целеобразования. Система материальных и духовных потребностей супругов может выступать фактором или условием, которое ограничивает число детей в семье.

Итак, ведущие мотивы деторождения разнообразны и представляют собой как реализацию потребности в материнстве, так и другие потребности женщины. В наибольшем числе случаев, как показывает опыт, мотивом к рождению ребенка является неудовлетворенная потребность в оптимальных супружеских отношениях; также значимым мотивом является потребность соответствовать нормам и требованиям общества, традиций. Интересно отметить, что в системе названных мотивов, образно говоря, «нет места ребенку», то есть он воспринимается как желанное средство улучшения актуальных отношений, но не как самостоятельная ценность. В то же время осознаваемые женщинами мотивы социального одобрения («быть не хуже других»), соответствия требованиям традиции («соблюсти традиции») являются внешними по отношению к личностной целостности. Следовательно, в мотивации многих женщин преобладают мотивы экстринсивного характера, не (или не в полной мере) соответствующие личностным диспозициям.

Вопреки лозунгам, что все проблемы семьи исчезают с ростом благосостояния в обществе, изучение генеративной потребности и мотивации репродуктивного поведения выдаёт прямо противоположное: семью губит духовный кризис. Очевидно, что крепкую семью может создать только человек

цельный и духовно сильный. Когда же он теряет внутренний стержень, то предопределенные ему социальные роли никак не согласуются друг с другом. Например, родительство – вещь особая, доступная контролю общественности. Идеальной считается планируемая и желанная беременность («как во всем цивилизованном мире»). Но хорошим «аксессуаром» деловых родителей может считаться только успешный и беспроблемный ребенок. Семьи еще и потому не рожают детей, что в целом к результату воспитания предъявляются высокие, а порой и недостижимые требования. Человек зависит от общественных установок, а брачно-родительское поведение конформно вдвойне.

Социолог Антонов категоричен в своем заключении о том, что малодетность, депопуляция – это проблема ценностная, это социальный отказ от детей. Обусловлено это отсутствием «репродуктивного вдохновения» [1].

Семейные отношения и воспитание переживают кризис не только из-за общего прагматизма и безверия. Семья требует жертвенности и ограничения, т.е. противоречит культурам нынешнего дня, поклоняющегося индивидуализму и потакающего слабостям личности, свободной от обязательств и стремящейся к удовлетворению гедонистических, материальных и статусных потребностей.

Нельзя не учесть, что традиционно рождение ребенка воспринималось как необходимое завершение брака, т.е. библейская доктрина о плодovitости – краеугольный принцип брака. В связи с этим в гражданской сфере жизненная функция семьи есть ее пополнение, а *сознательная* бездетность указывает на дисфункцию и дезорганизацию семьи. Воспроизведение может быть воспринято как выполнение половой роли: материнство – как развитие и выражение взрослости женщины и отцовство – как развитие и выражение взрослости мужчины. Инфертильность тогда можно рассматривать как аналог социальной инфантильности, т.к. налицо новая модель личности (т.н. «кидалты» [9]), не обеспеченная соответствующей моделью чадородия. Все это в совокупности может привести к «расчеловечиванию человека».

Список литературы

1. Антонов А.И. Микросоциология семьи / А.И. Антонов. – М.: Инфра-М, 2024. – 368 с.
2. Антонов А.И. Социология семьи / А.И. Антонов, В.М. Медков. – М.: Изд-во Моск. ун-та; Изд-во Междунар. ун-та бизнеса и упр., 1996. – 302 с.
3. Бойко В.В. Малодетная семья: социально-психологическое исследование / В.В. Бойко. – М.: Мысль, 1988. – 237 с.
4. Векилова С.А. Психология семьи / С.А. Векилова. – М.: Юрайт, 2017. – 308 с. – EDN ZTARIP
5. Дружинин В.Н. Психология семьи / В.Н. Дружинин. – СПб.: Питер, 2011. – 176 с. – EDN RVKUZL
6. Леонтьев А.Н. Потребности, мотивы и эмоции / А.Н. Леонтьев. – М.: Изд-во Московского университета, 1971
7. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://bookap.info/clasik/leontev_potrebности_motivy_i_emotsii/g11.shtml (дата обращения: 14.10.2024). – EDN QULTPW
8. Мацковский М.С. Молодая семья в большом городе / М.С. Мацковский, Т.А. Гурко. – М.: Знание, 1986. – 46 с. – EDN YMCKBF
9. Семья на пороге третьего тысячелетия / М.С. Мацковский, Д. Олсон, Т. Гурко [и др.]. – М.: Центр общечеловеческих ценностей, 1995. – 237 с.
10. Новоселова Е.Н. Судьба традиционной семьи в эпоху прогрессирующего эгоизма / Е.Н. Новоселова // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. – 2013. – №2. – С. 106–123. – EDN QGSXXD
11. Филиппова Г.Г. Психология материнства / Г.Г. Филиппова. – М.: Юрайт, 2024. – 212 с.
12. Флоренская Т.А. Диалог в практической психологии / Т.А. Флоренская. – М.: ВЛАДОС, 2001. – 206 с.
13. Шнейдер Л.Б. Семья: оглядываясь вперед / Л.Б. Шнейдер. – СПб.: Питер, 2013. – 368 с.

14. Шнейдер Л.Б. Компетентное родительство / Л.Б. Шнейдер, М.Н. Зыкова. – М.: МПСУ, 2018. – 126 с. – EDN YUWPVJ